

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 316.35

DOI 10.18413/2075-4566-2018-43-3-414-420

КОНЦЕПЦИЯ СУБЪЕКТНОСТИ МОЛОДЕЖИ КАК СИМУЛЯКР СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

THE CONCEPT OF YOUTH SUBJECTIVITY AS SIMULACRUM OF SOCIOLOGICAL SCIENCE

В.П. Бабинцев¹, А.Э. Ушамирский²
V.P. Babintsev¹, A.E. Ushamirsky²

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

² Волжский институт экономики, педагогики и права,
Россия, 404111, г. Волжский, ул. Советская, 6

¹ Belgorod State National Research University, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

² Volzhsk Institute of Economics, Pedagogy and Law Formation strategy,
6 Sovetskaya St., Volzskij, 404111, Russia

E-mail: babintsev@bsu.edu.ru; viepp@list.ru

Аннотация

Рассматривается проблема возникновения и распространения симулякров в социологической науке. Их популярность обосновывается как общими тенденциями развития общества в период так называемого «постмодерна», так и спецификой социологического знания, особенностью которого является высокая степень свободы ученого при конструировании предмета исследования. Обосновывается, что симулятивные концепции в социологической науке представляют собой «умопостроения» авторов, адекватно не отражающие социальную реальность и являющиеся примером «игры незамутненного разума». Подчеркивается, что не соотносящиеся с реальностью симулякры в социологии могут выполнять и эвристическую функцию, поскольку позволяют отказаться от устаревших теорий. Рассмотрена концепция субъектности молодежи как типичный пример социологического симулякра. Определены причины ее возникновения и факторы, способствующие сохранению в научном дискурсе.

Abstract

The article deals with the problem of simulacrum occurrence and spread it in sociological science. It should be stressed that its popularity is justified by the general tendencies of the society development in the period of the so-called "postmodern", and by the specificity of sociological knowledge, the feature of which is the high degree of the scientist freedom in constructing of the research subject. It is substantiated that the deceptive concepts in social science are "imaginary exercises" of author, which don't adequately reflect the social reality and constitute the examples of "the game of an open mind". Also it is emphasized that the simulacrums, which don't relate to reality, can perform a heuristic function in sociology, since they allow us to abandon obsolete theories. In present article, we consider the concept of youth subjectivity as a typical example of a sociological simulacrum. In addition, the reasons for its occurrence and factors contributing to conservation in scientific discourse are determined.

Ключевые слова: молодежь, социология молодежи, симулякр, субъектность молодежи, конфликт поколений, социализация молодежи.

Keywords: youth, sociology of youth, simulacrum, youth subjectivity, generation gap, socialization of youth.

Введение

Социология молодежи в течение нескольких десятилетий была (и в значительной мере остается) одной из наиболее привлекательных для исследователей отраслей социологической науки. В качестве ее предмета обычно определяется «изучение молодежи как социально-демографической группы, ее роли в общественном воспроизводстве, положения в социальной структуре и взаимодействия с другими общественными группами, особенностей ее сознания и поведения» [16, с. 461]. В настоящее время социология молодежи представлена широким набором концепций, многие из которых (социализации молодежи, жизнедеятельности молодежи в условиях риска, субкультурного многообразия молодежи и др.) довольно релевантно отражают специфику развития молодого поколения.

Однако наряду с ними в молодежной социологии имеют место симулятивные концепции, представляющие собой «умопостроения» авторов, адекватно не отражающие социальную реальность и являющиеся примером «игры незамутненного разума» («игры в бисер» – Г. Гессе). Эти концепции вполне могут быть определены как концепции-симулякры, имея в виду, что симулякры, согласно Ж. Бодрийяру, – это знаки, «которые больше не обмениваются на «означающее», «замкнуты в себе» [18].

Целью настоящей статьи является объяснение причин и следствий распространения симулякров социологии молодежи на основе реконструкции концепции субъектности молодежи.

Методология и методика исследования

В основу исследования положены концептуальные идеи понимающей социологии М. Вебера, применяемые автором к анализу массовых действий людей. К ним относятся требования в ходе исследования отвечать на вопросы: а) при помощи каких осмысленных действий люди пытаются реализовать свои намерения; б) какие следствия имеет практическая реализация человеческих намерений; в) как эти стремления связаны с ценностными ориентациями субъекта социального действия (2, с. 499). По нашему мнению, эти вопросы заключают в себе эвристический потенциал, необходимый для понимания генезиса социологических симулякров в целом и тех, что популярны в социологии молодежи, в частности.

В эмпирическом отношении работа опирается на ряд социологических исследований, проведенных А.Э. Ушамирским в российских регионах. В их числе: «Проблемы участия молодежи в региональных социальных конфликтах» (2014 год), осуществленное в Белгородской и Волгоградской областях методом анкетного опроса молодых людей в возрасте 14 – 30 лет ($n = 1500$) и работников органов государственного и муниципального управления, СМИ, руководителей общественных организаций, депутатов различных уровней ($n = 500$); «Молодежные конфликты в обществе риска», осуществленное методом анкетного опроса молодежи ($n = 502$) в Волгоградской области; «Интересы современной молодежи», реализованное методом анкетного опроса молодежи в Волгоградской области ($n = 501$), а также глубинного интервью молодых людей ($n = 30$) и работников органов государственной власти ($n = 25$) в 2016 году.

Результаты исследования и обсуждение

Рассматривая проблему симулякров в социологии молодежи, необходимо, прежде всего, ответить на вопрос: каковы общие причины «симулякризации» социологической науки, проявляющиеся в ее конкретных отраслях, среди которых социология молодежи не составляет исключения. Это тем более важно, что, казалось бы, конструирование симулякров противоречит самой сущности научного познания, ориентированного на установление истины, выявление закономерностей и существенных тенденций объекта.

По нашему мнению, понять и объяснить сущность возникающего парадокса позволяет учет двух обстоятельств. Во-первых, этому способствует общая логика развития общества в эпоху так называемого постмодерна, характерной интенцией которого является

отказ от идеи установления истины. В интерпретации его идеологов случайность оппонирует закономерности, что, по их мнению, позволяет описать и легитимировать хаос посредством фрагментации неопределенности и отказа от использования «обобщающих» категорий», полностью устранив при этом ценностную иерархию [14, с.11].

Во-вторых, симулякризация в определенной степени стимулируется спецификой социологического исследования, ориентированного на общественное сознание, которое, в качестве объекта анализа, характеризуется сочетанием многообразия форм (как реальных, так и фантомных) с высоким уровнем их социальной динамики. Данное обстоятельство предоставляет социологу широкие возможности для конструирования предмета анализа и выбора применяемых методов. И этот выбор носит в значительной степени ценностный характер, что усиливает субъективный аспект научных исследований.

Следствием данного обстоятельства является не только опасность вырвать из общего контекста социальной реальности всего лишь один «кусочек», что, как подчеркивает О.Н. Яницкий, нередко и происходит [18, с. 8], и на его примере построить обобщающую теорию, но и возможность стать «творцом» исследовательского фантома. При этом доказать фантомность предложенного и вброшенного в социологический дискурс симулякра впоследствии бывает крайне сложно, особенно если за ними стоит уже признанный авторитет автора. Тем более, что несовпадения и противоречия его результатам, полученным другими исследователями, всегда могут быть объяснены изменением ситуации.

Безусловно, сказанное не означает, что все социологические симулякры следует рассматривать в качестве фальсеоинтеракций, представляющих собой особую форму социального взаимодействия, «в основе которого лежит осознанность фальши (лжи, обмана) и добровольное принятие этой лжи за истину обеими сторонами коммуникации» [7, с. 14]. Вместе с тем, нельзя не учитывать, что для современной России характерна существенная деградация профессиональной этики исследователей. Так В.В. Миронов обращает внимание на рост числа «фактов прямой имитации научной деятельности, что проявляется в увеличении доли недобросовестности» [10, с. 226].

Но все же значительная часть симулякров – следствие либо отмеченной выше необоснованной фрагментации предмета исследования, не учитывающей всей полноты социальных связей и отношений, либо использования неадекватных реальности исследовательских технологий. В частности, сегодня уже довольно очевидно, что применение исключительно количественных методов социологического исследования не позволяет выявить глубинные установки и ценностно-целевые ориентации респондентов, поскольку они чаще всего дают одномоментный «снимок» следа, оставленного в сознании участников исследования средствами массовой информации и социальными сетями в данной конкретной ситуации.

Наконец, нельзя не учитывать и того, что симулякр в социологии может создаваться как реакция исследователей на исчерпанность традиционных для науки представлений, не способных объяснить новые социальные реалии. Конструирование его в данном случае означает своеобразную попытку интеллектуального прорыва и, в рассматриваемом контексте первоначально такие симулякры несут в себе значительный эвристический потенциал, который, впрочем, постепенно исчерпывается, и симулякр становится барьером в исследовательском процессе.

Очевидно, социологическим симулякрам не следует придавать большого значения в широком общественном контексте, поскольку в современной России выводы социологов крайне незначительно используются при разработке и реализации управленческих решений. Однако если они будут доминировать в научном дискурсе, это станет барьером, препятствующим включению социологической науки в процесс управления. К тому же, распространение симулякров ведет к деградации научного поиска. Прежде всего, потому что со временем любой симулякр превращается в табуированный постулат, закрытый для критики и поддерживаемый многочисленными эпигонами, в качестве которых обычно выступают люди, случайные для науки, пришедшие в данную сферу либо в поисках ученых степеней и званий, либо в силу не востребоваемости на ином поприще.

Все это в полной мере можно отнести к социологии молодежи, для которой характерно большое число защищенных диссертаций, следовательно, масса проведенных исследований. Но эти исследования оказали мало влияния на разработку и реализацию молодежной политики, которая характеризуется множеством проблем уже на уровне определения ее целей, задач и принципов, определению которых и должны были бы способствовать социологи. Однако, как довольно обоснованно пишут Е. Андрюшина и Е. Панова, несмотря на довольно длительное время институционализации, ключевыми направлениями молодежной политики по-прежнему «являются довольно эфемерные и абстрактные цели по воспитанию патриотов и эрудитов с прочным нравственным стержнем, восприимчивым к новым созидательным идеям» [1, с. 62].

В довольно очевидном разрыве между социологией молодежи и реализуемой в Российской Федерации государственной молодежной политикой, очевидно, «виновны» не только ученые. В значительно большей степени он определяется позицией органов по молодежной политике на всех уровнях государственного и муниципального управления, которые, будучи встроенными в систему административного управления, болеют теми же болезнями, что и вся чиновничья корпорация. В их числе: установка на монополизацию истины, презумпция простых решений, формализация деятельности, сочетающаяся с широким распространением имитационных практик, превратившихся, по мнению исследователей, в системообразующий фактор российского социума [4].

Тем не менее даже в условиях скептического отношения к выводам социологии молодежи в целом работники органов по молодежной политике, да другие чиновники в ходе публичного дискурса не отказываются воспроизводить некоторые симулятивные конструкции, созданные в свое время учеными. Во многом потому, что они характеризуются достаточной для чиновничьего понимания простотой и кажущейся очевидностью.

К числу таких симулякров относится вывод о субъектности молодежи, согласно которой молодежь способна выступать в качестве «активного начала (деятеля, творца социальной реальности)» [16, с. 500]. Суть концепции субъектности И.М. Ильинский в свое время свел к нескольким положениям:

- молодежь представляет собой объективное общественное явление, выступающее в качестве специфической возрастной подгруппы;
- одновременно с этим молодежь представляет собой синтез биологического и социального, что детерминирует взаимосвязанность ее психофизиологического и социального развития;
- молодежь является носителем уникального интеллектуального потенциала, направленного на будущее преобразование действительности;
- специфика социального статуса молодых людей заключается в его двойственности: молодежь выступает одновременно объектом и субъектом социализации, по мере самоидентификации и самоосознания появляется еще одно ключевое свойство молодежи – ее субъектность [6, с. 109–120].

Более того, согласно Вал.А. Лукову, «в современных условиях вопрос состоит не в том, чтобы поделить субъектностью с молодежью, но опереться на субъектность молодежи, чтобы вытянуть целое – все общество, его настоящее и будущее» [9, с. 54].

Идея субъектности приписывает молодежи три характеристики: самостоятельность (суверенность), функциональность и творческую активность. При этом последняя нередко рассматривается как определяющая [11, с. 20]. Формирование концепции субъектности вполне объяснимо – она представляла своеобразную реакцию на длительное время преобладающий (но не абсолютный) подход к молодежи как к объекту воздействия различных социальных институтов [16, с. 500], наиболее ярко проявлявшийся в сфере образования.

Однако при этом фактически игнорировалось несколько обстоятельств.

Во-первых, маргинальность молодежи, выражающаяся в том числе в ее транзитивности, что в лучшем случае позволяет говорить лишь о стремлении молодежи к обретению субъектности, то есть о процессе, который не может быть завершен в рамках сохранения мо-

лодежной идентичности. Более того, процесс взросления молодежи фактически означает постепенное нивелирование стремления к обретению субъектности, даже если оно изначально и имело место. Во-вторых, существенная субкультурная дифференциация молодежи, которую характеризует разнообразие «духовных миров». Их особенности детерминированы сложными комбинациями демографических, профессиональных, этнических, социокультурных, эко-социальных и политических факторов. В силу такого многообразия различные группы молодежи выбирают нередко существенно отличающиеся друг от друга жизненные стратегии, формулируют не совпадающие жизненные цели. Проведенное нами в 2014 году социологическое исследование «Проблемы участия молодежи в региональных социальных конфликтах» показало, что только достижение семейного счастья является целью, общей для большинства (54%) молодых людей. Исследование «Интересы современной молодежи» выявило существенную дифференциацию молодых людей в отношении представления о жизненном успехе. Так, с семейным счастьем его связывают 23% респондентов, с богатством – 21%, свободой – 15%, властью – 9%, самореализацией – 8%, славой – 8%, карьерой – 8% (остальные варианты выбрало незначительное количество опрошенных).

Среди стратегий, избираемых молодежью, присутствуют как стратегии наращивания субъектности, так и стратегии «сознательной десубъективизации», в том числе и посредством исключения из числа активных участников социального процесса. Ю.А. Зубок отмечает, что такое исключение «представляет собой отторжение различных групп молодежи, во-первых, от средств жизнеобеспечения; ... во-вторых, от политических и социальных прав... Как статусная характеристика социальное исключение символизирует положение отторгнутой, исключенной социальной группы [5, с. 212–213].

В-третьих, нельзя не принимать во внимание, что векторы субъектности молодежи могут быть противоположными по своей направленности: как просоциальными, так и антисоциальными. Подчеркивая, что второй вариант наиболее характерен для России, Т.И. Морозова пишет: «Безусловно, молодежь стала в целом более субъектной, то есть способной самостоятельно выстраивать свою жизнь, обеспечивать реализацию жизненных планов. Однако субъектность молодежи в большинстве случаев оказалась односторонней, квазисоциальной, то есть замкнутой исключительно на себя, без обращения к общественному контексту» [12, с. 40].

В-четвертых, представление о молодежной субъектности не подкрепляется данными, характеризующими социальную активность молодежи. В частности, М.К. Горшков и Ф.Э. Шереги отмечают, что «активность большей части молодежи реализуется вне общественно значимых сфер» [3, с.136].

Особое внимание в рассматриваемом контексте приобретают попытки жестко увязать субъектность молодежи с несомненной способностью многих ее представителей к творчеству. В сущности, она противоречит его классическому пониманию субъекта как человека, способного быть познавательным и действующим существом [15, с. 611]. Но проблема заключается даже не в наличии этого противоречия. В конечном итоге любые, ставшие классическими, положения могут подвергаться сомнению.

Ограничение субъектности способностью к творчеству исключает из числа социальных субъектов (акторов) всех, кто не создает новое, но тем не менее способен принимать самостоятельные решения и реализовать их на практике. В этом смысле если рассматривать чисто социальное значение данного понятия, субъект – автор выбора, если учитывать организационное – субъектность представляет собой способность к целеполаганию и целеосуществлению [13].

Следовательно, молодежь субъектна в той мере, в какой она способна к социальному выбору, самостоятельному целеполаганию и целеосуществлению. Однако это крайне проблематично в современной России, с одной стороны, потому что большинство молодых людей обладают недостаточными для такого выбора ресурсами; с другой стороны, в силу высокого уровня социального контроля и социальных манипуляций практикуемых в отношении молодежи социальными институтами, прежде всего государством.

Возникает вполне естественный вопрос: чем же сегодня поддерживается симулякр молодежной субъектности. Скорее всего, здесь имеет место комбинация нескольких факторов:

- увлеченность некоторых исследователей субъект-субъектной парадигмой социального управления, в рамках которой оно рассматривается как совместная деятельность участников (в прежней трактовке – субъекта и объекта), направленная на достижение солидарно поставленных целей. Несомненно, эта парадигма весьма привлекательна и отражает социальную перспективу, но вряд ли можно утверждать, что она реально реализуется в современной России;

- неадекватное распространение оптимистической оценки тенденций развития молодежи в конце 90-х – начале 2000-х годов, на основе которых была сформулирована концепция молодежи как лидирующей группы общества. Ее довольно последовательно отстаивал А.А. Козлов. Еще в 1998 году он утверждал, что «наша молодежь – поколение будущего. Правда, что все более очевидно, весьма далекого от тех благостных картинок, которые рисовали в общественном сознании (и не только на обыденном уровне, но и на профессиональном) в начале пути десятилетие назад» [8, с. 238–239]. Однако, как нам представляется, последующее развитие в полной мере не подтвердило эти ожидания. Молодежь в целом не стала (и не могла стать) общественным лидером, то есть группой, которая ведет за собой других участников общественного процесса, формулируя стратегические цели и определяя способы их достижения, но сохранилась инерция воспроизводства стереотипа, тем более что он формально подкреплялся авторитетом автора;

- стремление руководителей, реализующих молодежную политику в России повысить свой социальный статус, равно как и статус возглавляемых ими структур. В данном контексте концепция субъектности молодежи имеет чисто имиджевый статус, точно так же как в советскую эпоху имела концепция комсомола как авангарда молодежи, – изначально релевантная реалиям, но утратившая объективное содержание уже в семидесятые годы прошлого века.

Заключение

Таким образом, концепция субъектности молодежи сформировалась как один из социологических симулякров, наряду с другими (конфликт поколения, молодежь – лидирующая сила общества). Однако изначально она, несомненно, несла в себе существенное позитивное начало, поскольку позволяла критически оценить традиционный взгляд на молодежь исключительно как на объект воздействия (воспитания). Но, выполнив свою эвристическую функцию, симулякр превратился в фантом социологического знания, неадекватный как реальности, так и теоретическим положениям социологической науки. Вполне естественно, что в настоящее время он нуждается, по меньшей мере, в корректировке, суть которой связана с исследованием потенциальной возможности формирования субъектности у отдельных групп молодежи и барьеров, препятствующих этому как в самой молодежной среде, так и во внешнем окружении.

Список литературы

References

1. Андрияшина Е., Панова Е. 2017. Современная российская государственная молодежная политика: эволюция, основные направления, практики. *Власть*. 2017. 7. С. 60–65.
Andrjushina E. and Panova E. 2017. *Sovremennaja rossijskaja gosudarstvennaja molodezhnaja politika: jevoljucija, osnovnye napravlenija, praktiki*. *Vlast'*, 2017, 7, pp.60–65. (In Russian).
2. Вебер М. Избранные произведения: пер. с нем. 1990. М., Прогресс, 804.
Veber M. *Izbrannye proizvedenija*: per. s nem. 1990. Moscow, Progress, 804 p. (In Russian).
3. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. 2010. Молодежь России: социологический портрет. М.: ЦСПиМ. 592.
Gorshkov M.K. and Sheregi F.Je. 2010. *Molodezh' Rossii: sociologicheskij portret*. Moscow, CSPiM. 592 p. (In Russian).

4. Закирова Т.В. 2016. Социальная имитация как системообразующий признак современного российского общества // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 3. С.92–95.
Zakirova T.V. 2016. Social'naja imitacija kak sistemoobrazujushij priznak sovremennogo rossijskogo obshhestva. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii*, 3, pp.92–95. (In Russian).
5. Зубок Ю.А. 2007. Феномен риска в социологии. Опыт исследования. М., Мысль. 285 с.
Zubok Ju.A. 2007. Fenomen riska v sociologii. *Opyt issledovanija*. Moscow, Point. 285 p. (In Russian).
6. Ильинский И.М. 2001. Молодежь и молодежная политика. М., Голос. 696 с.
Il'inskij I.M. 2001. *Molodezh' i molodezhnaja politika*. Moscow, Vote. 696 p. (In Russian).
7. Каширина М.В. 2013. Фальсеоинтеракция как особая форма социального взаимодействия // Социум и власть. 6 (44). С.11–16.
Kashirina M.V. 2013. Fal'seointerakcija kak osobaja forma social'nogo vzaimodejstvija. *Society and Power*, 6 (44), pp.11–16. (In Russian).
8. Козлов А.А. 1998. Только поколение надежды! // Молодежь России: потерянное поколение или надежда XXI века? СПб., Изд-во СПГУТД. Ч. 1. С. 237–240.
Kozlov A.A. 1998. Tol'ko pokolenie nadezhdy! *Molodezh' Rossii: poterjannoe pokolenie ili nadezhda XXI veka?* Saint-Petersburg, Izd-vo SPGUTD. Ch. 1. pp. 237–240. (In Russian).
9. Луков Вал.А. 2006. Ильинский: гуманистическая концепция молодежи // Знание. Понимание. Умение. 2. С.48–59.
Lukov Val.A. 2006. Il'inskij: gumanisticheskaja koncepcija molodezhi. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2, pp. 48–59. (In Russian).
10. Миронов В.В. 2011. Поп-культура как продукт глобального информационного пространства // Человек как субъект и объект медиапсихологии. М., Изд-во Моск. ун-та. С. 216–230.
Mironov V.V. 2011. Pop-kul'tura kak produkt global'nogo informacionnogo prostranstva. *Chelovek kak subekt i obekt mediapsihologii*. Moscow, Publishing house of Moscow University. pp. 216–230. (In Russian).
11. Молодежь российского региона: духовные миры и жизненные стратегии: моногр. 2007. Белгород, Изд-во БелГУ. 276 с.
Molodezh' rossijskogo regiona: duhovnye miry i zhiznennye strategii: monogr. 2007. Belgorod. 276 p. (In Russian).
12. Морозова Т.И. 2012. Регулирование процессов самоорганизации молодежи в социокультурном пространстве региона. Белгород, ИД «Белгород», 360 с.
Morozova T.I. 2012. *Regulirovanie processov samoorganizacii molodezhi v sociokul'turnom prostranstve regiona*. Belgorod, ID «Belgorod», 360 p. (In Russian).
13. Пригожин А.И. 1992. Проблема субъекта – в центре процесса приватизации // СОЦИС. 4. С.22–32.
Prigozhin A.I. 1992. Problema subekta – v centre processa privatizacii. *SOCIS*, 4, pp.22–32. (In Russian).
14. Римский В.П. 1998. Тоталитарный космос и человек. Монография. Белгород, Изд-во Белгородского университета. 125 с.
Rimskij V.P. 1998. *Totalitarnyj kosmos i chelovek*. Monografija. Belgorod, Izd-vo Belgorodskogo universiteta. 125 p. (In Russian).
15. Социологическая энциклопедия. В 2 т. 2003. М., Мысль. 2. 456 с.
Sociologicheskaja jenciklopedija. V 2 t. 2003. Moscow, Point, 2, 456 p. (In Russian).
16. Социология молодежи: энцикл. сл. / Отв. ред. Ю. А. Зубок, В. И. Чупров. 2008. М., Academia. 608 с.
Sociologija molodezhi: jencikl. sl. / Otv. red. Ju. A. Zubok, V. I. Chuprov. 2008. Moscow, Academia. 608 p. (In Russian).
17. Яницкий О.Н. 2018. К проблеме модернизации гуманитарного знания // Социологическая наука и социальная практика. 6. 1 (21). С. 7–22.
Janickij O.N. 2018. K probleme modernizacii gumanitarnogo znanija // *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*, 6, 1 (21), pp. 7–22. (In Russian).
18. Baudrillard J. 1994. *Simulacra and simulation*; translated by S. F. Glaser. Ann Arbor, Univ. of Michigan Press. 164 p.